

МЕДИЦИНА КАК МЕДИУМ ПНЕВМАТИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ОПЫТ ФУТУРОЛОГИИ

Е. А. Цуканов

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Поступила в редакцию 27 марта 2020 г.

Аннотация: в статье раскрывается представление о медицине как медиафеномене, создающем предпосылки для превращения социальной организации будущего в сверхсознательное сообщество пневматиков. Проанализированы положительные и отрицательные стороны грядущей медицинской парадигмы, выявлены противоречия медицинизации дискурса повседневности.

Ключевые слова: медицина, медиафилософия, гностицизм, пневматизация социальности.

Abstract: the article reveals the idea of medicine as a media phenomenon that creates prerequisites for turning the social organization of the future into a super-conscious community of pneumatics. The positive and negative aspects of the forthcoming medical paradigm are analyzed, contradictions of medicalization of the discourse of everyday life are revealed.

Key words: medicine, media philosophy, gnosticism, pneumatization of sociality.

Теоретики уже достаточно давно понимают под медиа практически всё на свете, включая агентов живой и неживой природы, отвлеченные научные концепты, метафизические спекуляции, исторические события, эмоциональные переживания и прочие виртуальные реальности [1, с. 64]. Существует даже целый раздел гуманитаристики, именуемый медиафилософией, со своей исследовательской методологией, сообществом последователей, перспективными планами и публикационной активностью. Формат данного направления подразумевает, выражаясь языком Б. Латура, изучение самых экстравагантных акторов, влияющих на «пересборку социального» [2]: лабораторных пробирок и колбочек, дверных доводчиков, договоров на оказание услуг, притаившихся на кончиках пальцев микробов и прочих малозаметных скромных вещей, числящихся солдатами армии «тысячи мелочей». В связи с обнаруженной их медиумичностью получается, что наука открывает заново окружающую действительность, состоящую из россыпи до боли знакомых элементов. В рамках данной статьи мы предлагаем посмотреть под необычным углом зрения на, в общем-то, ординарную медицинскую деятельность. Набор практик, составляющих ее внутреннюю структуру, давно уже стал частью повседневности и мало чем удивляет рядового обывателя. А меж-

ду тем за внешним рутинным фасадом медицины может скрываться нечто невероятное.

В фонетическом звучании слова «медицина» наше ухо улавливает корень мед-, что логически отсылает исследователя к феномену медиа как посредничеству в широком смысле. Медик по аналогии с медийщиком располагается как бы в интерфейсе между различными взаимодействующими субъектами и объектами или их группами. За счет медиа создается своего рода промежуточная реальность, разъединяющая компоненты мира и не дающая им раствориться друг в друге. Так, медицинские учреждения ставят временный заслон беспрепятственным контактам больных со здоровыми, чтобы первые выздоровели, а вторые не заболели, иными словами, чтобы дифференцированная человеческая масса не превратилась в гомогенизированную субстанцию мертвого вещества. То есть медицина есть пограничный кордон, выставленный обществом перед смертью и хаосом, рамка от энтропийных процессов, стремящихся установить безжизненное равновесие. В связи с этим, наверное, зеленые халаты врачей были бы уместнее белых, как аллегория фирменных цветов пограничной службы.

Вспышка коронавируса в 2020 г. показала, что история медицины, по сути, еще не начиналась. Она стартует у нас на глазах, превращаясь в решающую силу мировой политики, экономики и культуры. Ее власть в прошлом была сначала подозрительна (вспомним травлю Парацельса), затем номинальна и символична, теперь же всепроникающа. Грядет обновленная медицина, и человечеству, чтобы самосохраниться, придется перестроить под нее весь привычно-незамысловатый уклад. Исчезнут навсегда либеральная безответственность, легкомыслие, и установится ультрарациональный порядок, чем-то напоминающий «железную пяту» Дж. Лондона. Однако ветер истории может развернуть процессы и в гуманистическом направлении, выстроив медицинскую архитектуру не против, а во имя человека. Поразмышляем о том, как это будет.

В сущности своей медицина представляет собой воплощенную мечту человека о бессмертии, которое дорого стоит. Врачи и медработники функционально занимаются поисками эффективных способов максимальной пролонгации сроков наступления «естественной» смерти пациентов. В пределе же им предстоит добыть средства абсолютной победы над ней. Нам кажется, что главным залогом победы над смертью на сегодняшний день является качественный медицинский мониторинг, причем не больных, а, главным образом, здоровых людей. Именно в здоровом организме зарождается болезнь, поэтому следует принять как диалектическую аксиому, что здоровых людей не бывает в принципе (иначе некоторые бы не умирали). Данную интуицию, кстати, хорошо чувствовали и развивали в своих сочинениях христианские богословы [3, с. 170–175], часто наделяя Христа атрибутами врача, который пришел в падший мир с целью эсхатологического мониторинга – «отделить овец от козлищ» в преддверии страшного суда. Другое дело, что в предлагаемом нами развороте темы стоило бы, наверное, несколько подкорректировать

евангельский афоризм о том, что «врач нужен грешникам, а не праведникам» [Мк. 2:17]. Нам кажется, что грешник (т. е. больной) и сам заинтересован в поисках квалифицированной медицинской помощи, а вот праведнику (т. е. здоровому) надо постоянно объяснять, откуда приходят патологии. Лучший способ борьбы со злом – это профилактика.

Как нам представляется, медицина будущего из-за скученности мегаполисов вынужденно встанет на путь форсированного совершенствования и внедрения суровых врачебно-профилактических мер в систему жизнеобеспечения социального организма. Наподобие тех, что были с успехом апробированы в Ухане в феврале-марте 2020 г. в борьбе с COVID-19 – жесткий карантин, комендантский час, тотальное закрытие учреждений досугового профиля. В перспективе нас, по всей видимости, ожидает кардинальный отказ общества от мобильного, но, к сожалению, экстренного (в смысле непредвиденного, случайного) института скорой помощи в пользу организации превентивных стационарных служб в каждом дворе и даже подъезде многоэтажного дома, без санкции которых граждане не смогут беспрепятственно выходить на улицу или посещать развлекательные и торговые точки. Гипотетически это может выглядеть так: пропуск на выход люди получают только после ежедневной экспресс-проверки текущего состояния здоровья, а параллельно выявляя в зачатке какие-то не опасные для окружающих, но в перспективе опасные для них самих заболевания. Так может быть побежден не только банальный грипп, но и рак, диабет, инфаркты и инсульты. Малейшее подозрение, и человеку предлагается провести какое-то время в карантине или просто сесть на диету, пропить курс препаратов. Ранние сроки обнаружения хвори позволят не запускать патогенную ситуацию и станут страховкой от хронических форм ее протекания. Кстати, на фоне борьбы с распространением COVID-19 в Москве планируют увеличить число стационаров [4].

Если всё пойдет по представленному здесь футуристическому сценарию, то в скором времени медицину придется признать пятой ветвью власти после законодательной, исполнительной, судебной и власти СМИ. Административных и карательных полномочий у медицины будет не меньше, чем у мэрии или следственного комитета, что, конечно, не может радовать приверженцев того же М. Фуко, балансировавшего между разоблачением медицины как фикции и как насилия одновременно. Болезнь, с его перверсивной точки зрения, выше и мудрее всяких медицинских уловок [5, с. 34]. Однако именно фукианская биополитика как искусство проектного обращения с естеством в купе с продвинутой медициной будущего, взявшей на себя повышенные обязательства гуманитарного администрирования, могут стать драйверами развития и процветания общества, как бы ни возражали нонконформистски настроенные критики [6]. Прогресс связан с издержками и никогда не дается легко.

В нашей стране также не ощущалось недостатка в скептиках, сомневающих в целесообразности волевого покорения природы. К примеру, Евгений Замятин, написавший в 1920 г. «противненькую», как ее атте-

стовал Андрей Тарковский [7], антиутопию «Мь». Она стала пародийным откликом на революционные идеи известного теоретика Пролеткульта А. К. Гастева, рационализатора и фаната научной организации труда (НОТ), полагавшего, в частности, что промышленное производство и трудовые отношения могут совершенствоваться «на основе клинического лечения» [8, с. 217]. А. Гастев предлагал невообразимые для своего времени инициативы – амбулаторно-заводские испытания на прочность человеческого материала [там же], жесткую регламентацию и математизацию трудовых функций работников предприятий, точный расчет их биологических ресурсов [там же, с. 222]. Необходимо отметить, что Гастев работал в парадигме тейлоризма, – системы, разработанной американским изобретателем Ф. Тейлором и внедряемой для оптимизации на предприятиях США, таких как заводы Г. Форда [9, с. 149]. Между прочим, именно тейлоризм обеспечивал тогда мощный экономический рост за океаном. Поэтому попытка адаптировать его под советскую систему расценивалась, скорее, как плюс, а не минус; однако Замятин занял нигилистическую позицию к Гастеву. В годы перестройки его роман использовался как идеологическое оружие, рассчитанное на остановку НТР и НИОКР в Советском Союзе. Имплантируемый в подкорку читателя страх перед абстрактным ИНТЕГРАЛОМ, математически безошибочными расчетами счастья, дозирующими свободу, напоминает подростковый каприз непослушания против требований взрослых, затеявших некий сложный эксперимент. Автор выставляет их экспериментальные амбиции в откровенно комическом свете [10], гиперболизируя «ужась» им же самим придуманной сплошной цифровизации и обезличивания. Это как если бы футболист, не желая терпеть перипетии матча, сопротивлялся бы «обезличивающему» влиянию футболки с номером. Типичное социальное дезертирство. Выступая адвокатом слабостей человеческих, таких как алкоголь, наркотики, сексуальная распушенность, Замятин тем самым рекламирует хаос и беспорядок, служащие метафорами смерти. Вызывает недоумение кредо писателя: «Мир жив только еретиками» [11, с. 7]. В пику этому в новом мире под медицинским присмотром неминуемо должны оказаться многие разрешенные сегодня губительные людские привычки.

Борьбой против бессмысленно-разрушительных сил природы были философски озабочены известные отечественные мыслители-мечтатели Н. Федоров и А. Богданов, чьи программы по своим запредельным «медицинским» чаяниям достигали поистине космических масштабов. В частности, Н. Федоров всерьез вынашивал планы искусственного регулирования погоды в целях оптимизации сельского хозяйства, научно-практической корректировки засушливого или, наоборот, излишне дождливого климата в целях восстановления братства между живущими поколениями и их единения в воскресительной миссии [12]. А. Богданов не расставался с намерением подчинить человеку неконтролируемые внутренние процессы организма, такие как кровообращение. Основав Институт переливания крови, ученый скончался во время медицинского опыта, обещавшего человечеству преодоление старения [13, с. 101].

Параллельно Федорову и Богданову в Германии медицинские темы подвергались философскому осмыслению в трудах Э. Гартмана. Трудно игнорировать его пронизательную идею, согласно которой «болезни никогда не производятся добровольно психическим принципом организма, а вносятся в него внешними повреждениями» [14, с. 94]. Первоначальная причина болезней, по Э. Гартману, всегда приходит извне, а именно: 1) механические влияния; 2) химические (например, яды, заражения в обширном смысле, атмосферические влияния); 3) органические (паразиты, грибки); 4) аномальные отношения в экономике организма, прихода и расхода; 5) недоброкачественное питание в широком смысле (тяжелая пища, дурной воздух); 6) аномальный образ жизни; и т. п. [там же, с. 95]. Исходя из приведенного перечня может оказаться, что главное в медицинской сфере – не лечить клинически, а работать на упреждение, т. е. клинически защищать пациента от травмирующего воздействия на организм извне, создавая для него максимально безопасную среду обитания. В первую очередь, за счет ужесточения дисциплинарного режима и планирования. Последнее – не вопрос насилия, а вопрос добровольного согласия на перманентные тренировки и отобилизованность. Главная медицинская мишень – это даже не болезнь как нарушение возможности организма поддерживать гомеостаз, а обыкновенная *бытовая неряшливость*, часто приводящая человека в больничные покои. Необходимо понимать, что пока не упразднена смерть, недопустима даже малейшая психологическая и поведенческая расхлябанность, и каждый в связи с этим, в той или иной мере, является пациентом. Только в контексте общего дилетантизма, лени и невменяемости в человеческих отношениях присутствует грязь, риск, неуважение к здоровью другого. Допустим, курение в общественных местах или пребывание на рабочем месте с симптомами ОРВИ должны расцениваться не как безобидная обывательская аномалия, но как демонстрация гегемонии опасной девиации над деликатной и уступчивой нормой. Здоровье окружающих, по истине, дело политической важности, особенно в условиях непрекращающихся гибридных войн [15], использующих нагнетание эпидемиологической истерии в стане противника как удушающий прием.

Интересен еще один момент – раскрытие Э. Гартманом темы взаимосвязи воли и представления в нервной деятельности людей. В частности, он пишет, что «представление вызывает бессознательную волю для выполнения представляемого действия» [14, с. 106]. Экстраполируя данный тезис на нашу медицинскую ситуацию, можно сказать, что люди в массе своей склонны «заражаться» о созерцаемое ими поведение других. Имеется в виду, что, например, санкция на курение, существующая сегодня в обществе, стала результатом договорного культурного консенсуса, навязанного Петром I, не будучи априорной нормой. Это плод преднамеренной деформации представлений о здоровье. И точно так же, как в XVIII в. удалось увлечь табакокурением широкие слои населения, в современном мире насущно стоит задача подавления этой увлеченности

и распространения стандартов ЗОЖ. Причем в интересах самих же никотинозависимых.

Используя богатейший арсенал средств имиджологии и массовой психологии, можно начать действовать результативно и по другим смежным траекториям. Как иллюстрация – креативные стратегии преодоления инфекционных заболеваний (продвижение моды на маски, культивация благородной манеры держать дистанцию в условиях толпообразования, порождение тренда продуктивного домоседства и т. п.). Надо иметь в виду, что информационное общество позволяет обучать грамотному здоровьесберегающему поведению на базе игровых методик и оригинальных творческих решений с прекрасными шансами на коммерциализацию.

Безусловно, сегодня имеется реальная возможность через искусство и яркие масс-медийные образы прививать массовому сознанию как вредные, так и здоровые привычки и пристрастия. Необходим запрос в обществе на здоровый образ жизни и адекватная этому запросу политическая воля. Действуя на воображение и природную впечатлительность человека, можно добиться изумительных позитивных сдвигов.

Резонно также было бы здесь учитывать и гартмановский пневматический эволюционизм, согласно которому «цель животного царства заключается в неустанном повышении сознания» [1, с. 109]. Отталкиваясь от гностических доктрин I–III вв. [16], Э. Гартман разработал собственный любопытный взгляд на мировой процесс: мир движется от мрачной, непросвещенной материальности через постепенную ее психологизацию в направлении полной одухотворенности. Пневматики (от греч. *pneuma* – «дух») есть авангард человечества, ведущий за собой две другие категории людей – гиликов (земных) и психиков (душевных) – по линии накопления объемов понимания явлений окружающей действительности. Можно предположить, что современная медицина на наших глазах превращается в медиума пневматической будущности вида «гомо сапиенс».

Именно повышенная сознательность населения цивилизованных стран, в конечном счете, определит не только их передовое положение, но и выживание в условиях экспонентного демографического роста и экологического кризиса. Перефразируя Ч. Дарвина, можно констатировать, что выживать вскоре будет не самый приспособленный, а самый ответственный и дисциплинированный, а это дары пневматизации.

В заключение хотелось бы еще раз зафиксировать следующую мысль: привычка жить ситуационно, реагируя лишь постфактум на произошедшие обстоятельства, в конце концов, должна отмереть как реликт первобытной турбулентности. Многие деструктивные человеческие практики исторически выбраковывались методом табуизации, что приводило в итоге к установлению цивилизационных норм, обеспечивающих высокий уровень комфорта и безопасности. Можно вспомнить архаические запреты на инцест, ритуальный каннибализм и прочие «прелести» архаической раскованности [17]. Несомненно, добровольно самоограни-

чиваясь, общество теряло какой-то процент иррационального «счастья» вседозволенности. Однако, как показал опыт, эта разновидность счастья обладает качествами весьма сомнительного свойства, граничащего с примитивным брутальным зверством, и при желании может быть замещена счастьем рационального типа. Как говорится, в любых условиях есть свои издержки и преимущества. Благо, что библиотека пришла на смену диким пляскам вокруг ритуального костра. Оказалось, что радость умной усидчивости с лихвой компенсирует искусственно купированную импульсивность. По большому счету, все ограничительные системы в форме разнообразных табу, норм морали и нравственности, принимаемых законов имеют, по сути, санитарно-гигиеническую специфику. Более того, в контексте медиафилософии их было бы правильнее рассматривать как эффективное медицинское оборудование, мешающее человечеству быстро самоликвидироваться, поддавшись опьяняющим провокациям инстинкта танатоса. Иными словами, медицина есть фактор, рождающий глубокую психологическую рефлексию индивида или целой социальной группы по поводу совершаемых деяний, и в этом смысле закрепленное умение отдавать отчет в собственных поступках – это очевидно полезный медицинский навык.

Можно надеяться, что дальнейшая «медицинизация» социальной ткани позволит окончательно искоренить спонтанность чрезвычайных ситуаций и хаос индивидуальных намерений. Медицина будущего должна представлять собой всеобъемлющую смарт-технологию повышено-рационального обращения с жизнью, перфекционистское средство снижения градуса экзистенциальной неопределенности в обществе, инструмент борьбы со смертоносной стихийностью поведения. Медицинские методы упорядочивания социальных процессов, думается, позволят человечеству преодолеть установленный неконтролируемой природой танатологический порог в 80–100 лет, удвоив или даже утроив среднестатистические сроки жизни. Из чего вытекает неоспоримость дальнейшей онтологизации медицинского дискурса.

Литература

1. *Савчук В. В.* Медиафилософия. Приступ реальности / В. В. Савчук. – СПб. : Изд-во РХГА, 2014. – 350 с.
2. *Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 384 с.
3. *Макарий Египетский, прп.* Духовные беседы / преподобный Макарий Египетский. – Репр. изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – 515 с.
4. Московское метро закрывать не будут, число стационаров увеличат // Вести недели с Дмитрием Киселевым. – 2020. – 22 марта. – URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3250216#/video/https%3A%2F%2Fplayer.vgtrk.com%2Fiframe%2Fvideo%2Fid%2F2007984%2Fstart_zoom%2Ftrue%2FshowZoomBtn%2Ffalse%2Fsid%2Fvesti%2FisPlay%2Ftrue%2F%3Facc_video_id%3D831589
5. *Фуко М.* Рождение клиники / М. Фуко. – М. : Академ. проект, 2010. – 252 с.

6. Попов Д. В. Практическая идеализация в биополитике / Д. В. Попов // Гуманитарные исследования. – 2019. – № 4 (25). – С. 39–43.

7. Семь перечней страданий Андрея Тарковского // Литературная газета. – URL: <https://lgz.ru/article/N22--6174--2008-05-28-/S%D0%B5my%D0%B5r%D0%B5-chn%D0%B5ystradaniyAndr%D0%B5yaTarkovskogo4502/>

8. Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда / А. К. Гастев. – М. : Экономика, 1972. – 478 с.

9. Шелдрейк Дж. Теория менеджмента : от тейлоризма до японизации / Дж. Шелдрейк. – СПб. : Питер, 2001. – 352 с.

10. Голубков С. А. Комическое в романе Е. Замятина «Мь» / С. А. Голубков. – Самара : Изд-во СамГПИ, 1993. – 124 с.

11. Замятин Е. Мы : роман / Е. Замятин. – Нью-Йорк : Междунар. лит. сотрудничество, 1967. – 225 с.

12. Семенова С. Г. Философия воскрешения Н. Ф. Федорова / С. Г. Семенова // Федоров Н. Ф. Собр. соч. : в 4 т. – М. : Прогресс, 1995. – Т. I. – С. 5–33.

13. Цуканов Е. А. Предтечи теории медиа в отечественной интеллектуальной традиции конца XIX – начала XX веков / Е. А. Цуканов // ЗНАК. Проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 1 (27). – С. 97–104.

14. Гартман Э. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного : бессознательное в явлениях телесной и духовной жизни / Э. Гартман. – М. : КРАСАНД, 2010. – 322 с.

15. Филимонов Г. Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США : ответ России / Г. Ю. Филимонов. – М. : РУДН, 2015. – 581 с.

16. Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма / М. К. Трофимова. – М. : Наука, 1979. – 216 с.

17. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – 256 с.

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Цуканов Е. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ

E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru

Higher School of Printing and Media Technology of the Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design

Tsukanov E. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Journalism and Media Technologies Department

E-mail: tsukanov_1975@inbox.ru